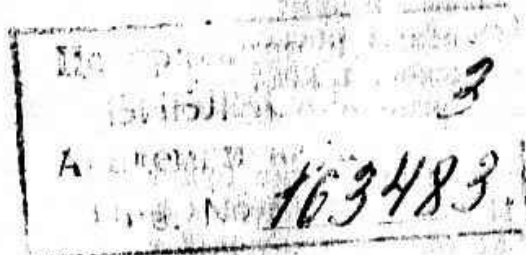

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. Ш. БАТЫРОВА

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ ТУРКМЕНИСТАНА

Ашхабад. Ылым. 1980

1. *Arne T.* Excavations at Shah-Tepe. Iran St., 1945.
2. *Атагарриев Е., Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Работы на Мешхед-Мисрианской равнине в 1971 г.—КД, 1977, вып. 5. Ашхабад.
3. *Гутлыев Г.* Раскопки на холме Чялалык (Чыглык-депе). — КД, 1972, вып. 4. Ашхабад.
4. *Ершов С. А.* Итоги трех лет. — Туркменоведение, 1931, № 7—9. Ашхабад.
5. *Костюченко В. П., Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Бенгуванский базис поселений времени арханчского Дахистана. — КД, 1972, вып. 4. Ашхабад.
6. *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Тильки-депе и некоторые вопросы палеогеографии в Юго-Западной Туркмении.—КСИА, 1972, вып. 132. М.
7. *Марущенко А. А.* Существенные поправки. — Туркменоведение, 1931, № 11.
8. *Марущенко А. А.* Археологические открытия последних лет в Туркменистане. — Изв. ТГНИИ, 1935, № 1.
9. *Марущенко А. А.* Анау. Историческая справка. — В кн.: Архитектурные памятники Туркмении. Ашхабад, 1939, с. 101.
10. *Массон В. М.* Первобытнообщинный строй на территории Туркмении. — Труды ЮТАКЭ, 1956, т. 7. Ашхабад.
11. *Массон В. М.* Памятники культуры арханчского Дахистана в Юго-Западной Туркмении. — Труды ЮТАКЭ, 1956, т. 7. Ашхабад.
12. *Массон В. М.* Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., «Наука», 1966.
13. *Прищепенко Л. В., Шапошникова О. С.* Новые материалы для изучения керамики арханчского Дахистана. — КД, 1970, вып. 3. Ашхабад.
14. *Хлопина Л. И., Хлопин И. Н.* Раскопки могильника Сумбар I в 1972—1973 гг. — КСИА, 1974, вып. 147.

Х. Юсупов

ОБВОДНЕНИЕ УЗБОЯ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В истории Узбоя вопрос о его обводнении в период средневековья имеет большое значение. Этому периоду посвящены работы В. А. Обручева, В. В. Бартольда, С. П. Толстова и других, которые пришли к разным выводам относительно периодов обводнения Узбоя.

Если расхождение мнений о впадении Амударьи в XIII—XVI вв. в Каспийское море между А. М. Коншиным, с одной стороны, и В. А. Обручевым и В. В. Бартольдом — с другой, решалось в пользу последних¹, то в 50-х гг. становится господствующей точка зрения С. П. Толстова, поставившая под сомнение выводы В. В. Бартольда, сделанные им на основании изучения письменных источников [16, с. 165]. По мере археологических исследований противоречия между сторонниками двух версий обострялись.

• В настоящее время по вопросу о функционировании Узбоя

¹ Эта точка зрения нашла свое отражение в работах последователей В. В. Бартольда — Л. С. Берга, А. И. Глуховского, А. Ю. Якубовского и др.

в средневековье существуют две точки зрения. Первая, В. В. Бартольда, который, ссылаясь на средневековых географов и историков, пришел к выводу, что прорыв вод Амударьи по Узбою произошел в XIII в. после монгольского завоевания, и жизнедеятельность русла продолжалась до конца XVI в.

Вторая точка зрения С. П. Толстова, который, подвергая сомнению выводы В. В. Бартольда относительно функционирования Узбоя в историческое время, предполагает (на первом этапе обследования Узбоя), что вопросами, касающимися проблемы Узбоя, должны заниматься не историки, а географы, геологи и археологи-первобытники [20, с. 308]. По этому поводу А. Ю. Якубовский замечает, что С. П. Толстов в целом прав, но правильнее было бы сказать и вообще археологов¹ [16, с. 167].

В своих последних работах, после детального археологического обследования, С. П. Толстов приходит к выводу о возможности кратковременных прорывов воды по руслу Узбоя в средние века, но, в отличие от В. В. Бартольда, приурочивает это событие не к нашествию монголов, а к завоеванию Хорезма Тимуром.

Однако проблемы, касающиеся обводнения Узбоя, еще не являются решенными, как в свое время полагал С. П. Толстов. Это отнюдь не означает, что существующие противоречия неразрешимы. Археологические исследования последних лет, а также сопоставления и критический анализ двух противоположных мнений, дали возможность автору данной статьи уточнить некоторые их положения и сделать соответствующие выводы.

Аргументы В. В. Бартольда основаны на данных средневековых географов и историков: Хамдаллаха Казвини, Хафиза-и Абу, Захира-ад-дина ал-Мараши, Хондемира, Дженкинсона, Абу-л-Гази и др. [3, с. 51—52, 63—67, 77—79, 173, 176—177, 322, 324].

Хамдаллах Казвини в «Нузхат ал-кулуб» в 1339 г. рассказывает об устье Амударьи (Узбое), в частности о водопаде «Хульм» (тюркское название «Гурледи») [3, с. 51, 173]. Шум его слышен на два, даже на три фарсаха; после этого (река) впадает в Хазарское море в местности Халиджан. От Хорезма до моря шесть переходов.

В. В. Бартольд, анализируя эти сведения, приходит к выводу, что автор пользуется собственными источниками информации, а не заимствует сведения у античных авторов, и считает этот рассказ доказательством обводнения Узбоя в XIII—XVI вв. Противоречия в тексте источника (расположение мест-

¹ Я. Г. Гулямов отмечает, что любой исследователь согласится с двумя положениями: 1) в XIII—XVI вв. Амударья одним мощным руслом текла в Сарыкамыш и оттуда по Узбою в Каспийское море; 2) основное ее русло одновременно текло и по Эски-Укузу (домонгольскому руслу Амударьи), проходившему между Ургенчем и Миздахканом [8, с. 178].

ности Халиджан, расстояние от Ургенча до берега моря) он объясняет тем, что Казвини никогда не был в Хорезме и не знаком с его географией.

С. П. Толстов, также находя рассказ Хамдаллаха Казвини противоречивым, помещает Халиджан при впадении Джейхуна в Хорезмское озеро [14, с. 10].

Расстояние от Ургенча до берега моря и расположение «перевала» «Хульм» («Гурледи»), указанные в тексте Казвини, дают основание А. С. Кесь связывать последний с Сарыкамышем. По ее мнению, за шесть дней караваном можно пройти до Сарыкамыша, а не до Каспия. Кроме того, А. С. Кесь отмечает, что на дне Сарыкамыша имеется соленое озеро, носящее название Гурльк-Куль булак (шумящий ручей), питающееся соляными ключами. Это название созвучно с названием водопада Гурледи, упоминаемое Казвини [10, с. 103—104]. Доводы А. С. Кесь представляются нам неубедительными. Во-первых, шум этого «маленького» ручья не может быть слышен на два, даже на три фарсаха, в то время как у Казвини речь идет не о ручье на дне озера, а о водопаде (Гурледи) на одном из главных рукавов Джейхуна.

Во-вторых, как можно говорить о каком-то озере на дне Сарыкамыша, когда известно, что после монгольского нашествия Сарыкамыш наполнила амударьинская вода. Следовательно, Казвини говорит о водопаде Гурледи, находящемся в каком-то другом месте, а не на дне Сарыкамыша.

Я. Г. Гулямов в сообщении Хамдаллаха Казвини также находит противоречия, отмечая при этом заимствования Казвини у арабских географов X в. (Ибн-Руста, Истахри и Ибн-Хаукаля) сведений относительно местности в устье Амударьи у Аральского моря (Халиджан — место, где живут рыбаки и др.). Что же касается сведений о Хульме (Гурледи), Я. Г. Гулямов относит их к Сарыкамышскому озеру и местность Гурледи отождествляет с урочищем Декча, что восточнее Сарыкамыша [8, с. 180—181]. Судя по рассказу Казвини, Халиджан находится ниже водопада Хульм, тогда как по мнению Я. Г. Гулямова, Хульм расположен на восточном берегу Сарыкамыша, а местность Халиджан — в низовьях Амударьи у Аральского моря.

Это предположение, на наш взгляд, неубедительно. Возможно, что Халиджан располагалась в районе Нижнего Узбоя. Если допустить, что название этой местности происходит от персидского слова (Халидж), что в переводе означает залив, бухта, лиман¹ (река ниже оазиса), то можно предположить, что так могла называться местность и в устье Узбоя. По сведениям исследователей, низменность Келькор (называемая ранее Нефтепе-сенем-дервезеси, Баба-ходжа)

¹ См.: Персидско-русский словарь. М., 1960, с. 197. Подобное толкование дано В. В. Бартольдом.

была в период впадения Амударьи в Каспийское море ее заливом (то есть пресным озером), откуда двумя рукавами (Актамом и Аджанбом) амударьинская вода вливалась в Каспийское море¹. Поэтому ее можно отождествить с местностью Халиджан (по Хамдаллаху Казвини).

Теперь относительно вопроса о местонахождении Хульма. Выше урочища Гарригечид есть колодец под названием Хульмаджи. Хульм — название древнее, которое не могут объяснить даже туркмены. На Узбое в близлежащей от Хульмаджи местности много водопадов, один из них — Игдинский, высотой 7 м. Не исключено, что один из таких водопадов вблизи от Хульмаджи и назывался «Хульм-Гурледи». Думается, что сведения Хамдаллаха Казвини целесообразнее отнести к Узбою. В отношении расстояний, сообщаемых Хамдаллахом Казвини, видимо, не исключена возможность допущения им ошибки. С другой стороны, неизвестно, откуда велся счет — от центра (столицы — Куня-Ургенча или Везира?) Хорезма или от границы, доходившей, по меньшей мере, до Сарыкамыша. В первом случае, это расстояние, равное 3—4 переходам и недостаточно для Каспия. Во втором случае, расстояние в 6 переходов может соответствовать маршруту Сарыкамыш—Каспий.

Анализируя текст Хамдаллаха Казвини, А. И. Глуховской отмечает, с одной стороны, категорическое заявление о том, что устье одного из рукавов Амударьи было в Каспийском море, с другой — новое подтверждение того, что рукав этот проходил по нынешнему сухому руслу Узбоя, о чем свидетельствовали громадные водопады, существование которых на Узбое доказано исследователями [7, с. 22].

Далее В. В. Бартольд приводит сведения из сочинения Хафиз-и Абру, писавшего в 1417 г. о низовьях Амударьи: «В книгах прежних авторов упоминается Хорезмское озеро, куда впадал Джейхун. Но теперь этого озера нет; вода Джейхуна проложила себе (новый) путь, большей частью по пустыне изливается в Хазарское море в месте Гурледи... другое название этого места Агрыча (Огурча — Огурджа). Река Ходжент (Сырдарья) доходит до Фараба (город на Сырдарье); отсюда течет (далее) и, соединившись в Хорезмской степи с Джейхуном, изливается в Хорезмское море» [3, с. 65].

В. В. Бартольд, не сомневаясь в данных Хафиз-и Абру, совмещение названий двух разных мест — Огурджа и Гурледи — объяснял тем, что автор не посещал указанные места. Соглашаясь с аргументами В. В. Бартольда, Л. С. Берг подчеркивает, что после поворота части Аму к Сарыкамышу, а

¹ То, что в эту эпоху впадения Амударьи в Каспийское море, Келькор и низменность Бала-Ишем составляли в совокупности пресноводное озеро, подтверждается находками пресноводной фауны на его береговых террасах [10, с. 8; 14, с. 288].

затем к Каспию, площадь Арала уменьшилась, что и дало, видимо, повод к словам Хафиз-и Абру об исчезновении его [4, с. 25]. С. П. Толстов находит противоречие в отмеченном выше совмещении названий двух местностей Гурледи и Агырча — современная Куныя-Огурджа [14, с. 11].

В рассказе Захир-ад-дина ал-Мараши об отправлении сейидов с берегов Каспия (по приказу Тимура) в 1392 г. на судах в Хорезм В. В. Бартольд видит доказательство того, что Амударья впадала тогда в Каспий. С. П. Толстов этот аргумент считает необоснованным [14, с. 10]. Его отец, как участник путешествия, мог бы свой рассказ отнести к восточному берегу (заливу) Каспийского моря, или к устью Узбоя, затопленному Каспийским морем, если бы речь не шла о Хорезме, куда были отправлены суда с сейидами. Тимур окончательно разгромил Хорезм, его города и ирригационные сооружения в 1388 г.

Ссылаясь на работу А. И. Глуховского, Л. С. Берг отмечает, что «нужно спускать по Куныдарье 70 куб. саж. воды ежесекундно в течение 15—17 лет. При этом по Узбою будет стекать 13 саж. ежесекундно» [4, с. 90].

Развивая исследования предшественников, А. С. Кесь также пришла к выводу, что для заполнения Сарыкамыша и образования стока воды в Узбой, требовалось 15—17 лет при пропуске воды по Куныдарье 680 м³ в секунду, при этом по Узбою течение будет лишь 125 м³ в секунду [10, с. 107]. Значит, если сейиды отправились в 1392 г. вверх по реке от Огурджа, то вода должна была прорваться в Сарыкамыш раньше 1388 г., так как срок с 1388 по 1392 г. очень короткий для обводнения Узбоя. Поэтому, на наш взгляд, есть основания считать, что обводнение Узбоя началось раньше, и первые прорывы были после завоевания Хорезма монголами.

По подсчетам инженера-ирригатора Ф. Б. Моргуненкова, объем воды в Амударье так велик, что при максимальном расходе ее на орошение, по нормам поливных площадей 1911—1914 гг., Сарыкамышское озеро можно наполнить за четыре года, а на пятый год вода должна была уже образовать сток по Узбою. Это дает основания Я. Г. Гулямову считать, что Амударья текла в Сарыкамыш не четыре года, а более 300 лет. Расход воды на ирригацию в те времена был значительно меньше, чем в 1911—1914 гг. В дальнейшем он приходит к противоположному выводу о том, что в историческое время в Узбой могли быть лишь отдельные кратковременные прорывы из Сарыкамыша [8, с. 165—178]. На основании исследований Г. С. Карелина, А. С. Кесь и П. А. Браславского, Я. Г. Гулямов допускает возможность затопления Нижнего Узбоя Каспийским морем, по которому могли плавать сейиды, не отрицая в то же время периодических прорывов Амударьи в Каспий [8, с. 18].

По данным Захир-ад-дина ал-Мараши, местность Огурд-

жа на восточном берегу Каспийского моря в конце XIV в. была населенным пунктом. Археологические памятники, следы поселений (фундаменты юрт), скопление керамики и кладбища, обнаруженные в 30-х гг. А. А. Марущенко [12] и в 50-х гг. сотрудниками Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова [23], подтверждают существование поселений (на месте Огурджа) в средние века. А. А. Марущенко датировал свои сборы XII—XIII—XVI вв. Сборы 1952 г. С. П. Толстовым ориентировочно датированы XV—XVI вв. [14, с. 340—343]. Однако сборы последних лет с Нижнего Узбоя (Актама), их анализ и сопоставление с ранее собранными материалами в этом районе и с материалами западного побережья Каспия требуют как уточнения их характеристики, так и датировки. В связи с датировкой поселения Куня-Огурджа уместно отметить, что керамика из района Аджайб составляет единый комплекс с материалами остальных нижнеузбойских поселений (Актама, Келькор) и датирована началом XIV—XV в. [24].

Если датировка «актамской» керамики и соответственно поселений XIV—XV вв. совпадает по времени с данными источников об обводнении Узбоя и даже, как нам представляется, помогает уточнить их, то датировка материалов (керамика) с Узбоя XV—XVII вв. никак не увязана со временем обводнения Узбоя и остается открытым вопрос о том, как могли существовать поселения без воды. Если Огурджа была населена, то для существования этого пункта, как и других поселений на Актаме, по берегам Келькора и Аджайба необходима была пресная вода. Сколько-нибудь значительных колодцев здесь не обнаружено, а по берегам Келькора их нет вообще. Приведем рассказ историка Хондемира о событиях, происходивших во второй половине XV в., где говорится, что Хусейн, направляясь из Астрабада «в сторону Агрычи (Огурчи) и земли Адак», через семь дней достиг Амударьи, «переправился на судах и лодках», и когда он (Хусейн) вторично бежал (1461 г.) из Астрабада на север, заблудился в местности, где его войско много терпело от «близости моря и обилия глины и грязи», и через трое-четверо суток после этого только достиг Адака [3, с. 67]. Хотя в рассказе Хондемира В. В. Бартольд не находит прямого указания о впадении Амударьи в Каспийское море, но предполагает, что название Адак употреблено для обозначения всей местности по Узбою, и для обозначения урочища (Адак) на левом берегу его, а так же от Везира до устья Узбоя — земли адаклы (по Абу-л-Гази живших вдоль верхней части Узбоя), он видит в этом рассказе еще одно подтверждение течения воды по Узбою во второй половине XV в., помещая переправу Хусейна в той местности, где теперь находится сухое русло Узбоя, а под морем подразумевает Каспийское [2, с. 727; 3, с. 67—70, 175, 263—264, 324].

Доводы В. В. Бартольда относительно переправы Хусейна

через Амударью (Узбой) во время его первого побега нам представляются убедительными. Что же касается второго побега Хусейна, В. В. Бартольд ошибочно называет море, у которого заблудился Хусейн, Каспийским. Это правомерно лишь в том случае, если согласиться с В. В. Бартольдом, что крепость Адак помещается где-то у Куртышских порогов, то есть на Узбое. Однако, как установлено сотрудниками Хорезмской экспедиции, крепость Адак расположена на северо-восточном берегу Сарыкамыша, в южной части дельты Дарьялька, поэтому к утверждению В. В. Бартольда следует подходить осторожно, а события, связанные со вторым побегом Хусейна и описанные Хондемиром, можно отнести к восточной системе Сарыкамыша — к Дарьяльку¹, как это считает и С. П. Толстов [14, с. 205].

Стоит отметить, что в примечании к своей работе «Сведения об Аральском море...» В. В. Бартольд, ссылаясь на данные об осаде Адака, почерпнутые им из персидской героической поэмы Фахт-наме, написанной в честь Шейбани, отмечает, что «по этому рассказу Адак лежал на берегу бурного моря Кара-тенгиз (быть может, на Сарыкамыше). К сожалению, трудно решить, насколько автор придерживался в своей поэме фактической географической обстановки» [3, с. 69].

Относительно сообщения географов XV в. Джурджани и Бакуви, В. В. Бартольд и С. П. Толстов также придерживаются противоположных мнений. В. В. Бартольд делает оговорку, что указанные авторы, живя поблизости от Узбоя, должны дать более подробные сведения о нем, но, к сожалению, этого не делают. Приведенные у Джурджани и Бакуви названия явно заимствованы у авторов X в. (Джурджания, гузы, хазары; не называя ни монголов, ни Сарая, ни Сарайчика, ни Хаджи-Тархана). По мнению В. В. Бартольда, не удивительно, что эти авторы знают только о впадении Амударьи в Аральское море [3, с. 73—74].

С. П. Толстов, ссылаясь на этих географов, по мнению которых Амударья и Сырдарья впадают в Аральское море, отмечает, что трудно предположить, что они оба, живя вблизи Каспия, не имели достоверной информации [14, с. 11].

Нам думается, что В. В. Бартольд более прав в своей критике сочинений Джурджани и Бакуви. Если они не располагали данными о золотоордынских городах Северного Прикаспия, то не имели данных и об Узбое. С другой стороны, Бакуви, используя данные об Итиле и хазарах, возможно, не сообщал сведения, хорошо известные его современникам как о городах в низовьях Волги, так и об Узбое. Иными словами,

¹ Возможно, до Сарыкамыша Хусейн добрался по Узбою, а задержка в пути вызвана необходимостью преодолеть топкие берега этого озера (моря), уровень которого в этот период, вероятно, сильно повысился.

эти географы, видимо, не считали нужным писать об общеизвестном.

В. В. Бартольд для дополнения приведенных им аргументов привлекает еще два свидетельства о впадении Амударьи в Каспийское море: испанского посла Рюи-Гонзалеса де Клавихо, посетившего Самарканд в 1404 г. и отметившего, что «река Виадме (Аб-и-Амуе) выходит из гор, протекает по равнинам Самаркандской области и впадает в Бакинское море»¹ [3, с. 74] и Ибн-Арабшаха, автора «Истории Тимура» (написанной в 840/1436—1437 гг.), который при описании похода Тимура на Золотую Орду о Волге (Итиле) писал, что «она (то есть Волга) впадает в море Кульзумское (Каспийское), подобно Джейхуну и прочим рекам аджемским (персидским)». Используя эти описания, В. В. Бартольд делает оговорку, что эти авторы не посещали никогда восточный берег Каспийского моря и не указывают своих источников [3, с. 74].

Одним из важнейших источников, относящихся к району Узбоя, В. В. Бартольд считал рассказ Абу-л-Гази [3, с. 77], в котором говорится, что идти от Ургенча к Балхану значило идти от одного аула к другому, так как река Аму, протекая у подножия ургенчской крепости, направлялась к восточному (краю) Балханских гор. У подножия гор она меняла направление кибли (юго-западное) на западное, дальше текла к Огурдже и впадала в Мазандеранское море. По обоим берегам Амударьи (Узбоя) до Огурджи были пашни, виноградники и рощи. Весной жители удалялись на возвышенные места; владельцы стад в период оводов и комаров уходили к колодцам, находившимся на расстоянии одного или двух переходов, а после исчезновения комаров возвращались к берегу реки; населенности и цветущему достоянию (местности) не было пределов [1].

Де Гве к рассказу Абу-л-Гази относится скептически. Отмечая, что сведения Абу-л-Гази об Узбое услышаны им от туркмен, подобно тому, как это было с Вудруфом, посетившим восточный берег Каспийского моря в 1743 г. и считал, что кочевники знали только, что когда-то здесь протекала Амударья.

В. В. Бартольд не соглашается с мнением де Гве относительно этого рассказа в тех пунктах, где де Гве видит противоречия. Одним из этих пунктов является тот, что жители берегов реки, с одной стороны, описываются как земледельцы, с другой — как кочующие летом и осенью со своими отарами. В. В. Бартольд приводит в пример жизнь современных

¹ Сославшись на данные де Клавихо, к подобному мнению приходит и А. И. Глуховской [7, с. 26].

ему туркмен Атрека и Гургена, которые в основном занимались земледелием, но в то же время они вели и кочевой образ жизни. В. В. Бартольд отмечает, что бедняки, у которых почти нет скота, отказывались от перекочевков и оставались на берегах рек круглый год [3, с. 79].

Для подтверждения мнения В. В. Бартольда о комплексном хозяйстве жителей Узбоя небезынтересно привести работу Г. П. Васильевой, которая, используя письменные источники и полевые этнографические материалы, характеризует хозяйство северных (тахтинских и куняургенчских) туркмен в XVIII—XIX вв. как комплексное, в котором сочеталось земледелие с кочевым скотоводством. Богатые скотоводы сдавали свои земли в аренду, предпочитая кочевать со стадами [6, с. 30].

В. В. Бартольд считает, что сведения Абу-л-Гази, достоверность которых признает сам де Гуге, прожившего среди балханских туркмен около двух лет (1639—1641), несомненны [3, с. 78—79].

А. И. Глуховской, анализируя письменные источники и используя результаты проведенных геоморфологических работ, предполагал, что с X столетия обстоятельства, по-видимому, изменяются, так как ни один из писателей Востока X—XIII столетий не упоминает о впадении Амударьи или ее рукава в Каспийское (Хазарское) море [7, с. 89]. Он приводит строки Якута (нач. XIII в.), раньше свидетельствовавшего так определенно о впадении Амударьи только в Аральское море, а при описании Мангышлака впервые указавшего на то, что Амударья стала впадать в Каспийское море. Подтверждение этому он видит в тех сведениях Хамдаллаха Казвини, на которые мы уже ссылались, и в сведениях Махмуда-Ширази (ум. в 1310 г.) о последовательном впадении Амударьи то в Каспий, то в Арал. Из информации Ширази известно, что со времени нашествия монголов появляются достоверные данные о том, что прерванные в X столетии сообщения между Амударьей и Каспийским морем опять восстановились... Но течение по нынешнему Узбою, образовавшееся в XIII столетии, со временем понемногу ослабевает и, по-видимому, прекращается в первой половине XVI столетия» [7, с. 21, 31].

Л. С. Берг, сопоставляя данные Абу-л-Гази с ранее известными сведениями, пришел к выводу, что до начала XIII в. Амударья впадала в Аральское море, затем после монгольского нашествия (1221 г.) часть вод стала течь по Кунядарье в Сарыкамышскую котловину, наполнив которую по Узбою пошла в Каспийское море. Во второй половине XVI в. (около 1570 г.) течение по Узбою и Кунядарье прекратилось, и Аму стала направлять свои воды снова исключительно в Аральское море [4, с. 33].

А. Ю. Якубовский отмечает, что Амударья повернула одним из своих русел, по крайней мере, в сторону Сарыкамыш-

ской котловины, это не подлежит сомнению; также не подлежит сомнению факт судоходства в некоторых пунктах по Узбою [16, с. 66]. Таким образом, в районе Дарьялыка, Сарыкамыша и в некоторых местах Узбая создаются центры, которые в XIV—XVI вв. притягивали к себе туркменские племена и содействовали их оседлости и переходу к земледелию [16, с. 167], т. е. в монгольскую эпоху в стране появились новые площади орошаемой земли, новые места для земледельческой культуры, во всяком случае, для ведения полускотоводческого, полужемледельческого хозяйства.

А. Н. Насонов при анализе литературы о походе золотоордынского правителя Беркехана на иранские земли в начале второй половины XIII в. обратил внимание на тот факт, что отряд Орды прошел в Иран через Хорезм и Дахистан, то есть, вероятно, тем самым путем, что пролегал лишь вдоль возобновленного русла Амударьи—Узбая, который описывает в XIV в. Хамдаллах Казвини [16, с. 151].

Таким образом, авторы вышеприведенных исследований относят обводнение загадочного русла Узбая к послемонгольскому времени.

Главный довод С. П. Толстова, когда он пишет о кратковременном (с конца XIV — нач. XV в.) обводнении Узбая, основывается на результатах археологических работ в 1947—1954 гг. на Узбое и исторических источниках.

Однако можно отметить некоторые противоречия в приведенных им аргументах о кратковременном обводнении русла Узбая в средневековье. С одной стороны, С. П. Толстов пишет, что разгром Хорезма монголами привел к прорыву нерегулируемых вод не только по Дарьялыку, а, видимо, по всем древним руслам к Сарыкамышу. Источники говорят о затоплении Ургенча, Хазараспа, о прорыве вод по Туныдарье и затоплении Субурны-Шасенем [14, с. 27]. Вопрос о том, что после такого прорыва амударьинских вод мог заполниться Сарыкамыш и могла создаться возможность обводнения Узбая, С. П. Толстовым не разбирается. Наоборот, он подчеркивает, что Хорезм довольно быстро сумел оправиться от этого разгрома. По археологическим данным, во второй половине XIII—XIV вв. создаются ирригационные системы, базирующиеся на Дарьялыке и Даудане [14, с. 27; 21, с. 261].

Уместно вспомнить, что монголы разрушили дамбу в 1221 г., до второй половины XIII в. прошло минимум 30—40 лет. Если по всем древним руслам пошла бы вода, то количество поступившей воды в Сарыкамыш должно было составлять не меньше 680 м³ в секунду. Если так, то, как уже указывалось выше, через 15—17 лет Сарыкамыш должен быть заполнен, и первый прорыв в древнее русло Узбая должен был произойти после монгольского нашествия.

В. В. Бартольд, приводя строки из рассказа Ибн-ал-Асира,

что «вода хлынула и затопила весь город; строения разрушились и место их заняла вода», и из рассказа ал-Омари, что Ургенч очутился «между двумя рукавами Джейхуна, похожими на шаровары», отмечает, что «многочисленные известия различных авторов... показывают, что главным рукавом реки был протекавший к югу от Ургенча» [3, с. 50].

Ссылаясь на Ибн-ал-Асира, Якута, Низам-эд-дина Шами и других, Я. Г. Гулямов отмечает, что гибель города Гурганджа и плотины после монгольского нашествия совершенно изменила условия земледелия в Хорезме и надолго вывела из строя веками складывавшуюся оросительную систему в этом районе, усилила течение амударьинских вод в Сарыкамыш и привела к впадению их в Каспийское море. Опираясь на археологические памятники, расположенные между Амударьей и Сарыкамышем, погибшие во время монгольского нашествия, Я. Г. Гулямов утверждает, что там действительно произошла катастрофа; все было разрушено и размыто страшным потоком [3, с. 184].

Из приведенных выше аргументов следует, что мнение Я. Г. Гулямова по интересующему нас вопросу в основном совпадает с мнением В. В. Бартольда.

С. П. Толстов в результате исследований Присарыкамышской дельты Амударьи отмечает, что «по археологическим данным, во второй половине XIII—XIV вв. создаются ирригационные системы, базирующиеся на Дарьялыке и Даудане. Исследование показало, что вода Даудана в это время в значительной степени использовалась для орошения. Земли Черменяба забрасываются. Однако близ горы Гоюнгырлан возникает в XIV в. значительное поселение, видимо, использовавшее воду соседнего озера, питавшегося протоками Южного Даудана. С. П. Толстов, приводит мнение А. С. Кесь, что вода в Сарыкамыше после монгольского нашествия не достигла абсолютной отметки 50 м н, соответственно, стока по Узбою не возникло [14, с. 27].

Если учесть возможности средневековой техники, то использование ирригационных систем для орошения могло и не очень влиять на заполнение Сарыкамыша и обводнение Узбоя.

Сокращение в Хорезме ирригационных систем в период XIII—XV вв., а также военные разрушения, с одной стороны, и политическая раздробленность, отсутствие мощной, регулирующей ирригационное хозяйство, центральной власти — с другой, по мнению С. П. Толстова, являются ключом той крайней степени упадка, который претерпевает ирригация Хорезма в XIII—XV вв. [19, с. 51].

Нам кажется, использование на орошение какой-то части воды русел Дарьялыка и Даудана не может являться доказательством того, что в XIII—XV вв. не было оснований для прорывов воды в Узбой. Очевидно, большие площади земель

по Черменябу были заброшены не столько в связи с разрушением плотин, сколько в связи с политическими событиями. Как мы знаем, после монгольского разгрома Хорезм был разделен между Золотой Ордой и государством Чагатая. На территории Золотой Орды (Северный Хорезм, левый берег) происходит возрождение ирригации, ремесел, хозяйства, так как эта область играла важную роль в экономической и культурной жизни Золотой Орды. Южный же Хорезм вошел в состав государства Чагатая (район Черменяба был окраиной государства) и переживал период упадка. Кроме того, по всем древним руслам Сарыкамыша после монгольского разгрома пошла вода и уровень Амударьи вследствие этого, возможно, понизился. В связи с этим старые головные сооружения Черменяба, видимо, уже не заполнялись водой.

Особое место в исследовании Узбоя имеет изучение караван-сараев, которые в какой-то степени служили доказательством той или иной точки зрения о средневековом обводнении Узбоя. Внимания заслуживают водосборные сардобы, которые дали основание сделать вывод о необходимости Узбоя, а также водопроводные трубы (акяйлинский водопровод), как явное свидетельство наличия воды в Узбое и существования в этом районе ирригационной системы [3; 4; 15] подобно Сарыкамышской. Однако это предположение было подвергнуто сомнению авторами, принявшими водопроводные сооружения за водосборные [8; 10; 14; 20; 21; 22], чему противоречат исследования последних лет [24; 25].

Мнению относительно отсутствия оседлых поселений противоречит наличие следов построек и россыпей керамики по Узбою. Нам кажется, в большинстве узбойских оседлых поселений преобладали жилища типа юрт. Стоит учесть и то, что на Сарыкамышских ирригационных системах, созданных туркменскими племенами в XIV—XVII вв., сотрудниками Хорезмской экспедиции не обнаружено никаких других следов жилищ, кроме юрт, а наличие там оседлых поселений никем не отрицается.

Русло этой высохшей реки никогда не осваивалось человеком в большом масштабе. Дело в том, что Узбой протекает в районах, мало пригодных для орошения, как и верхние отрезки Мургаба и Теджена, поэтому земледелие средневекового населения в период обводнения Узбоя было очень ограничено (на нижней береговой террасе и частично на верхней)¹.

Такие террасы существуют на многих участках Нижнего и Среднего Узбоя. Такие же площади, пригодные для занятия земледелием, имеются на Среднем, Верхнем Узбое (районы Жамал, Тоғалак, Давали, Акяйла, Талайханата и др.). Естест-

¹ Вполне возможно, что основным направлением его хозяйства было скотоводство, так как хорошие пастбища давали возможность людям обитать у берегов Узбоя.

венные условия — климат, почвы, увлажненность нижних террас, близость к реке и дополнительное увлажнение паводковыми водами, выносимыми на нижние террасы многочисленными саями, прорезающими берега Узбоя, позволяли, как это показывают этнографические примеры, вне всякого сомнения, получать в этих районах урожай зерновых без орошения. По данным Абу-л-Гази, туркменские племена Узбоя платили налоги и скотом и зерном [2, с. 595; 16, с. 193].

Наличие бахчей на нескольких участках Узбоя подтверждает рассказ Абу-л-Гази о густой населенности этих мест. С. П. Толстов допускает, что каирное земледелие являлось древнейшим для данного района. Вполне возможно, что и средневековое население Узбоя занималось каирным земледелием.

Отсутствие следов пашен, видимо, связано с тем, что береговую террасу Узбоя, имеющую уклон к руслу, могли смыть атмосферные осадки и паводковые воды. После поворота Амударьи в Аральское море мы уже не встречаем в источниках сведений о густонаселенности Узбоя и о занятиях его населения земледелием.

Мнение Я. Г. Гулямова, совпадающее в основных положениях с точкой зрения В. В. Бартольда (о начале обводнения Узбоя), сходится с мнением С. П. Толстова и А. С. Кесь, относивших рассказ Абу-л-Гази к Дарьялыку. Оседлые племена хизр-или, али-или и дюеджи Я. Г. Гулямов также относит к Дарьялыку [8, с. 183—184].

Соглашаясь с де Гье в сомнительности сведений Абу-л-Гази, учитывая результаты археологических и геоморфологических исследований, С. П. Толстов, А. С. Кесь и Я. Г. Гулямов также приходят к выводу, что в историческое время течения по Узбою не было. Явные следы земледельческой культуры на нескольких участках внутри самого русла Узбоя Я. Г. Гулямов признает, но объясняет тем, что поля эти могли быть на дне русла и должны быть отнесены ко времени, непосредственно следовавшему за прекращением каждого из периодических стоков по Узбою, когда дно его еще не высохло.

Археологических материалов, относящихся к средневековому периоду, достаточно для того, чтобы утверждать заселенность Узбоя в начале XIV—XV вв.

В рукописи Абу-л-Гази есть сведения об установленном на берегу Узбоя чигире [8, с. 183]. Абу-л-Гази указывает на это при описании берегов Узбоя. Найденные нами чигирные сосуды [25, с. 97—98] полностью подтверждают сведения историка. Следует отметить, что по сообщению Хаджи-ага и Сапар-ага (жители кол. Джамал и Тогалак на Среднем Узбое) на нижней береговой террасе была местность, которая называлась дигирли (чигирли). 70-летний Гара-ага, постоянный житель Нижнего Узбоя, рассказывал, что в 1937 г. между

урочищем Чалой и Ушмек на склоне левого берега Узбоя был найден целый сосудик от чигиря. Старик утверждает, что сосуд аналогичен виденным в Иране чигирным «горшкам». Нам кажется, есть основания рассказ Абу-л-Гази отнести к Узбою, как считал В. В. Бартольд. Абу-л-Гази, хорошо знавший местность, мог бы свой рассказ отнести к району между Амударьей и Сарыкамышем, если бы рассказ касался этого района. Очевидно, нельзя буквально понимать слова Абу-л-Гази о густонаселенности берегов Узбоя. Характеристика местности, данная Хафиз-и Абру, через которую река течет из Хорезма до Хазарского моря, как пустынной степи [3, с. 77—79], а также археологические исследования, дают основание считать, что Узбой был заселен там, где можно было заниматься земледелием. Важным аргументом в пользу гипотезы о средневековом обводнении Узбоя может послужить факт, приведенный в работе Я. Г. Гулямова о том, что в XIII в. в связи с поворотом русла Амударьи от Арала к Сарыкамышу целая система впадин по восточным чинкам Устюрта совершенно лишилась воды. И только с XVI в. жители Арала стали искусственно затоплять эти впадины и засеивать их исключительно пшеницей [8, с. 60]. Из этого можно заключить, что после монгольского погрома до начала XVI в. Амударья значительную массу воды направляла в Сарыкамыш, что должно было обводнить и Узбой.

Одним из основных аргументов С. П. Толстова в его возращении против обводнения Узбоя после монгольского разгрома служат результаты шурфовки крепости Зенги-баба. В связи с тем, что крепость Зенги-баба расположена на отметках 50—51 м [14, с. 29—233], сток в Узбой из Сарыкамыша мог произойти лишь при затоплении озера выше отметок сверх 50 м [14, с. 236; 23, с. 130], то есть не менее 52—53 м над уровнем океана [14, с. 264].

Следы затопления крепости связываются со временем средневекового прорыва воды в Узбой. Поскольку вопрос о датировке памятника и его слоев имеет особое значение для проблемы обводнения Узбоя в средние века, остановимся на нем подробнее.

Во-первых, на основании архитектурных особенностей этого укрепления — предполагаемого военного поста, служившего пограничным пунктом, оно датировано XII—началом XIII в. [14, с. 234; 23, с. 129]. Архитектурные особенности — тщательно отесанные плиты вряд ли могут быть надежным признаком, датирующим памятник.

Во-вторых, в результате шурфовки выявлены два совершенно различных слоя, характеризующих резкое изменение внешней природной среды. Затопление памятника связывается с озерными отложениями над верхним полом [14, с. 233—236; 23, с. 129—130].

На основании находок были выделены два периода в жизни памятников: 1 — домонгольского нашествия — период государства Хорезмшахов — XII — начало XIII в. (тогда крепость, по всем данным, и была построена); 2—XIV в., к которому можно отнести наиболее поздние археологические находки [14, с. 236; 22, с. 130].

В силу того, что в шурфе верхнего слоя найден лишь один фрагмент сосуда XIII—XIV вв., а остальная керамика, обнаруженная за стеной, датируется XII—XIV вв., причем к XII—XIII вв. отнесены и пять фрагментов серовато-черных глиняных сосудов¹ [14, с. 235—236], которые, судя по описанию, относятся к той группе, что и сероглиняный фрагмент из верхнего слоя, нам представляется, что более правильно будет датировать всю керамику как фрагмент из верхнего слоя XII—XIV вв., так как подобная керамика в Хорезме распространена только в этот период [5, с. 302 сл.].

Поэтому вряд ли есть основания для хронологического разделения двух слоев шурфа из Зенги-баба. Судя по материалу, оба эти слоя относятся к одному периоду — XII—XIV вв., а к какой части этого периода относится затопление памятника, по имеющимся материалам определить нельзя. Во всяком случае, как нам представляется, сколько-нибудь достаточных оснований для определения времени прорыва воды в Узбой и затопления крепости Зенги-баба на рубеже XIV—XV вв. нет. Нам кажется, правильнее будет датировать весь комплекс керамических материалов из крепости Зенги-баба XIII—XIV вв. и по аналогии археологических (керамических) материалов из крепости Зенги-баба с материалами Южно-Чырышлинской и Юго-Восточной системы Сарыкамыша, кроме того, расположение всех этих памятников на одинаковой высоте говорит о том, что они существовали одновременно и свидетельствовали об обводнении Узбоя в XIII—XIV вв., то есть обводнение Узбоя началось после разрушения хорезмской ирригации монголами.

В качестве дополнительных материалов по вопросу обводнения Узбоя в средние века следует привлечь также некоторые археологические материалы и привести высказывания ученых об ирригационных системах на берегах Сарыкамышского озера [14, с. 236; 22, с. 132].

Определено время функционирования этих сооружений и описано место их расположения. Наиболее примитивное из них — Чырышлинская система. Для нас она представляет наибольший интерес. Расположена она на берегу, у истока Узбоя, в 20—25 км к юго-востоку от колодца Чырышли, по обоим берегам узкого русла-протока, идущего по дну Южно-сарыкамышского залива [14, с. 205—237].

¹ Эти фрагменты во 2-м томе ТХЭ (с. 130) датированы XIII—XIV вв.

Южно-Чырышлинские ирригационные сооружения и материалы с них С. П. Толстов, Т. А. Жданко и А. С. Кесь характеризовали следующим образом: «Все они (сооружения) состоят из двух ведущих валов... тянутся вверх по довольно крутому склону и сливаются с насыпным валом, обрамляющим круглый водоем, расположенный у самой бровки террасы... а нижние концы их (этих валов) доходят до уровня, на котором прослеживается слой раковин *Cardium edule* L, то есть до уровня воды этого озера». Это и позволило исследователям предполагать, что возникновение и функционирование этих ирригационных сооружений здесь связано с существованием озера [14, с. 239—240].

Датировка ирригационных сооружений устанавливается по многочисленным фрагментам керамики, собранным на полях, состоящих главным образом из остатков сероглиняных сосудов с примесью дресвы и песка, характерных для периода XII — рубежа XIV и XV вв. Эти изделия полностью повторяют гончарные изделия, бытовавшие в Хорезме в указанный период [14, с. 240—241].

Фрагменты поливного кашинного сосуда, относящегося к XIII—XIV вв., находят наиболее близкие аналогии в хорезмской керамике золотоордынской эпохи (XIII—XIV вв.) [14, с. 240—241; 23, с. 134]. В небольшом количестве были собраны фрагменты сосудов из красноватой глины, датированные более поздним временем (не ранее XVI в.) [23, с. 134]. В коллективной монографии «Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой», авторы датировали весь комплекс началом XV в. [14, с. 241].

Однако при детальном разборе этих материалов выявляются некоторые уточнения. Например, датирующие материалы с этих сооружений — керамика в основном в виде обломков сероглиняных сосудов с примесью дресвы и песка, характерные для Хорезма в XII—XIV вв., причем среди них отмечены кувшины с высокой ручкой, округлой в сечении, сделанные из той же глины и датированные ранним периодом XII—XIV вв. [5, с. 326; 14, с. 244]. Аналогичные материалы, обнаруженные в юго-восточной системе Сарыкамыша, отнесены к XIII—XIV вв. [14, с. 244]. К этому времени отнесен единственный образец поливного кашинного сосуда. Что касается обнаруженных в небольшом количестве фрагментов из красноватой глины, покрытых светлым, желтовато-зеленым ангобом, их присутствие не позволяет весь комплекс керамики Южно-Чырышлинской системы отнести к началу XV в. Аналогичная керамика в большом количестве встречается в поселениях Среднего и Верхнего Узбоя и датируется в основном началом XIV—XV вв. [24, с. 10—12]. Поэтому целесообразно отнести весь комплекс керамических материалов Южно-Чырышлинской ирригационной системы к XIII—XIV вв., ко вре-

мени юго-восточной системы, которая, видимо, существовала одновременно¹ с периодом поднятия воды в Сарыкамышскую впадине на 50 м. Таким образом, как керамические материалы, дающие возможность датировать Южно-Чырышлинскую систему XIII—XIV вв., так и расположение чырышлинских ирригационных сооружений непосредственно у истока Узбоя на высоте около 50 м, говорят об обводнении русла в этот период.

Касаясь Южно-Чырышлинской ирригационной системы, исследователи Узбоя А. А. Ямнов и В. В. Кунин отмечали: «...Замечательно, что ирригационная система имела водозабор на уровне +50, +52 м, а при этом уровне сток озерных вод из южных заливов Сарыкамыша в Узбой неизбежен» [26, с. 26]. Это подтверждают данные проектного Института «Средазгипроводхоз», по расчету которых, если вода во впадине Сарыкамыша поднимается до отметки 50 м, то она должна пойти по Узбою².

Таким образом, представляемый анализ приведенных здесь аргументов по поводу обводнения Узбоя дает основание согласиться с В. В. Бартольдом об обводнении Узбоя в средние века после завоевания Хорезма монголами³. Но это не исключает того, что позднее, в частности после разрушения Ургенча Тимуром, происходили новые прорывы воды в Сарыкамыш-Узбой, что, конечно, привело к некоторым переменам водного режима в старом русле Узбоя. Средневековые обводнения Узбоя связаны прежде всего с социальными и политическими причинами: опустошительными войнами, монгольским нашествием и походами Тимура.

Возможность периодических стоков излишков воды по Узбою из впадины Сарыкамыша при ее заполнении в средние века неоднократно отмечена исследователями Узбоя. Сославшись на словарь Якута (1229 г.), где автор упоминает о впадении Амударьи в Каспийское море, Я. Г. Гулямов отмечает, что весьма возможно, что заполнив к тому времени Сарыкамышскую впадину, излишки вод Амударьи могли в XIII в. прорваться в Узбой [8, с. 166]. Периодическое и более продолжительное обводнение Узбоя в средние века отмечали А. А. Ямнов [25, с. 62], А. А. Ямнов, В. В. Кунин [26, с. 26], И. П. Сырнев [18, с. 198] и др.

¹ Об одновременном существовании этих памятников упоминается в работе «История средневекового Сарыкамышского озера», где говорится, что «...население, по-видимому, немногочисленно, появилось только у южного залива и, возможно, кое-где на восточном склоне Сарыкамыша» [22, с. 71].

² Инженерно-геологические исследования. Ташкент, 1964, с. 69.

³ Л. С. Берг по этому поводу согласен с мнением В. В. Бартольда и отмечает, что «...по нашему мнению, В. В. Бартольду удалось частью путем вновь найденных неоспоримых исторических свидетельств, частью путем критики ранее известных текстов показать, что в течение XIII—XVI вв. часть Аму действительно текла по Узбою [4].

Археологические памятники русла Узбоя относятся к различным историческим эпохам. Средневековых памятников на Узбое довольно много. В результате изучения керамических материалов и сравнения их с материалами соседних районов нам удалось установить их хронологические рамки в пределах с начала XIV до конца XV вв. [24], то есть они относятся ко времени его последнего обводнения.

Результаты изучения средневековых археологических памятников показывают, что в этом районе можно выделить три локальные археологические группы памятников Нижнего, Среднего и Верхнего Узбоя, датируемые началом XIV—XV вв. [24].

Большое количество поселений, датированных на основании массового керамического материала начала XIV—XV вв., позволяет говорить о том, что в послемонгольский период на берегах Узбоя жило значительное количество населения. Многочисленные крупные средневековые кладбища, выявленные в разных участках русла, свидетельствуют не о времени, а о продолжительности заселения этого района¹.

Относительно большая плотность обживания этой территории в указанный период была возможна при условиях, связанных с периодом обводнения Узбоя. Я. Г. Гулямов отмечает, что на такое временное оживление указывает и сравнительно большое скопление туркменских племен в XIV—XV вв. в бассейне Узбоя. Появление здесь пресной воды могло привлечь их из Дешти Кипчака, Устиурта, Южной Туркмении и из Северного Ирана [8, с. 184—185], причем не исключено, что вода в этот период поступала в Узбой не постоянно, а периодически, как считают многие исследователи Узбоя.

Интересными представляются исследования С. К. Самсонова, который в результате изучения видового состава растительных остатков, содержащихся в горизонтах торфоподобной массы, пришел к выводу, что второй сток пресных вод по Узбою относится к периоду XIV—XV вв. [17, с. 108]. Не меньшую сложность представляет и уточнение верхней даты обводнения Узбоя, то есть времени прекращения течения воды по Узбою в средние века. В. В. Бартольд и С. П. Толстов в связи с этим вопросом ссылаются на свидетельство английского купца Антония Дженкинсона, посетившего Хорезм в 1558 г. [9; 3, с. 80—87; 14, с. 11]. В. В. Бартольд в тексте Дженкинсона об истоке Амударьи видит крайне путаные географические данные. Но тем не менее, анализируя его текст, отмечает, что поворот реки к Аральскому морю, закончившийся некото-

¹ 3 средневековых кладбища в районе Игды-кала, расположенные на расстоянии 4 км друг от друга, интересны тем, что в этом районе исключена возможность существования колодезь и караванных троп, так как вплотную к руслу подступают непроходимые барханные пески. Эти кладбища могли быть оставлены только оседлым населением, связанным с узбойской водой.

рое время спустя, подготовлялся постепенно. Левый рукав, протекавший мимо Ургенча и Везира, уже при Дженкинсоне не доходил до Каспия; «вода, которой пользуется вся эта страна, берется из каналов, проведенных из реки Оксуса, к великому истощению этой реки; вот почему она не впадает больше в Каспийское море, как в минувшие времена. В недалеком времени эта страна будет паверно разорена и станет пустыней из-за недостатка воды, когда нехватит вод Оксуса». Правый рукав (у Дженкинсона «Ардок»), через который переправлялся Дженкинсон на пути из Ургенча в Бухару, уже тогда был широкой и многоводной рекой [3, с. 176; 14, с. 11—12].

С. П. Толстов в этих строках Дженкинсона видит доказательство того, что Сарыкамышская впадина была в то время обводнена, что по протоку Амударьи—Дарьялык текло уже немного воды, так как она в значительной части разбиралась на орошение в районе Везира [9, с. 177].

Нам кажется, нет основания в явлении, описываемом Дженкинсоном, видеть аналогичную картину более ранних времен (начало XIV — конец XV в.) для аргумента проблемного вопроса об обводнении Узбоя. Но здесь можно видеть, как отметил В. В. Бартольд, что уже при Дженкинсоне амударьинская вода не доходила до Каспия, а шла к Аральскому морю¹. До Сарыкамыша доходило из «канав» незначительное количество воды, поэтому можно предполагать, что именно к этому времени относится конец обводнения Сарыкамыша и окончательное усыхание Узбоя.

Ссылаясь на заключения вышеприведенных авторов, можно сделать вывод, что вода окончательно исчезла из Узбоя уже к середине XVI в. Исследование материалов с поселений на берегах Узбоя показывает, что практически нет материалов, связанных с узбойской водой позже начала XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абу-л-Гази*. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. М.—Л., 1958.
2. *Бартольд В. В.* Очерки истории туркменского народа, ч. I. М., 1963.
3. *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века, 1965, т. 3. М.
4. *Берг Л. С.* Аральское море. Опыт физико-географической монографии. Сиб., 1908.
5. *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). — ТХЭ, 1959, т. 4. М.
6. *Васильева Г. П.* Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. — ТИИАЭ АН ТССР, 1963, т. 7. Ашхабад.

¹ Ссылаясь на описание Дженкинсона, к такому же выводу приходит и Я. Г. Гулямов [8, с. 187].

7. Глуховской А. И. Пропуск вод р. Амударьи по старому ее руслу в Каспийское море и образование непрерывного водного Амударьинско-каспийского пути от границ Афганистана по Амударье, Каспию, Волге и Мариинской системе до Петербурга и Балтийского моря. Спб., 1893.
8. Гудимов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
9. Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. — В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод Ю. В. Готье. Л., 1937.
10. Кесь А. С. Русло Узбой и его генезис. — ТИГ, 1939, т. 30. М.
11. Конишин А. М. Разъяснение вопроса о древнем течении Амударьи по современным геологическим и физико-географическим данным. Спб., 1887: ЗРГО по общей географии, т. 33, 1897, № 1. Спб.
12. Марущенко А. А. Существенные поправки (материалы к исторической географии Туркменистана). — Туркменоведение, 1930, № 12.
13. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963.
14. Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. — МХЭ, 1960, вып. 3. М.
15. Обручев В. А. Закаспийская низменность. — ЗРГО по общей географии, 1890, № 3. Спб.
16. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.
17. Самсонов С. К. Палеогеография Западной Туркмении в новокаспийское время. М., 1963.
18. Сырнев И. П. Узбой и его связь с древним Каспием. — КОТЭ, 1962, вып. 7. Л.
19. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
20. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.
21. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
22. Толстов С. П., Кесь А. С., Жданко Т. А. История средневекового Сарыкамышского озера. — Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии. М., 1955.
23. ТХЭ, т. 2. М., 1958.
24. Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена позднего средневековья (XIV—XV вв.). Ашхабад, 1975.
25. Юсупов Х. Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копетдага между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом. — КД, 1972, № 4.
26. Ямнов А. А. О признаках обводнения Сарыкамышской котловины в средние века и возрасте сарыкамышских отложений. — Изв. АН СССР. Сер. геогр. наук, 1953, № 4.
27. Ямнов А. А., Кунин В. В. Некоторые теоретические итоги важнейших исследований в районе Узоя в области палеогеографии и геоморфологии. — Изв. АН СССР. Сер. геогр. наук, 1953, № 3.

В. Н. Пилипко

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЧАРДЖОУСКОЙ ОБЛАСТИ (новые данные)

Археологические памятники северной части Чарджоуской области неоднократно становились объектами специального изучения¹. Наиболее важными и продуктивными являются ис-

¹ История изучения памятников этого района подробно изложена М. Е. Массоном [6, с. 129 и сл.].